
ПРОБЛЕМНОСТЬ АТОМИСТИЧЕСКОЙ МЕТАФИЗИКИ

С.А. Нижников

Российского университета дружбы народов

Атомистическая метафизика рассматривается как форма обоснования индивидуального бытия. В основе ее – философствование Демокрита – ярчайшей личности в древнегреческой философии. Отмечается сущность понятия атома как идеи, отождествляемой с наименьшей неделимой частицей бытия. Анализируется специфика атомистической онтологии и вытекающей из нее гносеологии, космологии, антропологии и т.д. Вскрываются как достижения, так и противоречия в атомистической метафизике: о сущности человека, происхождении движения, детерминизме и др.

Ключевые слова: атом, атомистика, бытие, гилозоизм, идея, детерминизм, пустота, философия истории.

Атомистика является одним из наиболее ярких проявлений личностно-духовного философского творчества. Атомистические воззрения возникают почти одновременно в различных культурах. Атомистика в теоретически-символической форме выражает идею личности как единицы бытия. Наиболее выдающимся атомистом Древней Греции был, как известно, Демокрит. А.В. Семушкин в своих лекциях по истории античной философии называл Демокрита «фигурой наиболее удивительной и симпатичной, человеком, сотканным из чистейшей духовной субстанции». Он не выдавал себя за пророка, как Платон, или за Бога, как Эмпедокл, так как обладал скромностью настоящего мудреца. Он разработал глубокую и интереснейшую светскую этику и вместе с тем учил, что душа состоит из атомов – как это можно объединить? А.Ф. Лосев отмечает, что основной принцип атомизма сводится к тому, что в нем впервые в истории философии осуществляется «попытка выдвинуть на первый план учение об *индивидууме*», а сам «термин “атом” тождествен латинскому термину “индивидуум”» [7. С. 477]. Субстанция, данная как индивидуум, специфична тем, что она определяется через саму себя.

1. Онтология: атомы и пустота, бытие и ничто

Демокрит, будучи последователем Левкиппа, развил учение о множественности бытия, в противовес элейской школе, пытаясь преодолеть таким образом те противоречия, которые вытекали из ее статичной метафизики единого бытия: «...атомы получались у атомистов как *результат бесконечной дифференциации и раздробления элейского единого*, то есть абсолютного и непрерывного континуума» [7, с. 455-456]. В противовес элейцам атоми-

сты также утверждали существование пустоты, без наличия которой невозможно объяснить движение. Основным нововведением Левкиппа можно признать следующее: «Небытие существует ничуть не менее, чем бытие». Мысля бытие дискретно, он назвал его атомами, а небытие, – пустотой. По Лосеву, «только в атомистике впервые появляется учение о пустоте как о полном и абсолютном небытии в противоположность атомам-индивидуумам...» [7. С. 479]. Все, с этой точки зрения, есть «что» и «ничто». Гегель считал, что абстракция в атомистике «достигла большей определенности, чем *бытие* Парменида и *становление* Гераклита». Атомистика делает «простую определенность “одного” и пустоты принципом всех вещей, сводя бесконечное многообразие мира к этой простой противоположности...» [4. С. 145]. Хотя *ничто* атомистов не абсолютно. В досократовской философии такого представления не могло возникнуть. Это просто иное бытия – хаос, доведенный до предельного понятийного определения. А атом – это космос.

Атом уже не есть элемент стихии, так как Демокрит не мыслит непосредственно натуралистически, атом есть *идея*, олицетворяющая собой неделимую единицу бытия. Помимо этого атомистическое учение позволяло построение космологии уже не на основе доклического знания (мнения на основе эмпирического познания), но через единство умознания и чувственного познания в понятии атома. Ведь атом, с одной стороны, является идеей, обозначающей неделимую частицу бытия, а с другой – он есть материальная единица, из которой слагаются все вещи. Аристотель так пишет об этом: «Левкипп же полагал, что у него есть доводы, которые согласуются с чувственным восприятием и не отрицают ни возникновения, ни уничтожения, ни движения, ни множественности существующего» [3. С. 408]. Таким образом атомистика разрешала противоречие между чувственным и умозрительным миром, которое обнаружилось в элейской школе. Заимствовала же атомистика у элейцев идею умозрительности, вечности и неуничтожимости элементов бытия. Ведь невозможно, считал Демокрит, чтобы всё возникло, должно быть нечто, что не имеет начала.

Но как быть с человеческой сущностью? Как атомистика решает этот вопрос? Душа здесь – это просто круглый, наиболее совершенный атом. Однако уже сам феномен уникальной личности Демокрита не объяснить «круглостью». Требуется новая онтология, а именно – человеческого существования. И не зря ученик Демокрита, Протагор, заявил, что «человек есть мера всех вещей», став зачинателем софистики и антропологического этапа в развитии древнегреческой философии. Атомистическая онтология зашла в тупик при объяснении духовной сущности человека, вместе с тем дав толчок развитию субъективизма в античной культуре.

2. Космология

В силу того что атомы отличаются друг от друга формой (очертанием), порядком и положением («строим, «соприкосновением» и поворотом») [2.

С. 75], возможно их сцепление, вихревые движения, которые постепенно упорядочиваются, превращаясь в гармоничный космос. Образование мира, таким образом, произошло, согласно Демокриту, по природе и без всякого воздействия извне.

Демокрит также разрушил представление об ограниченности этого мира, заявив, что миров бесконечное множество, как и атомов. Но в отличие от последних миры возникают и гибнут. Не только в мире есть некая пустота, но и вне мира, сам мир шарообразен, не одушевлен, не управляется провидением, состоит из атомов, не вечен.

У Демокрита в космогонии наблюдаются еще рудименты натурфилософской космографии, которая вступает в противоречие с общей картиной мироздания. Так Землю он считал плоской и находящейся в неподвижном состоянии, произошедшей раньше светил.

Отрицая существование чего бы то ни было вечного, помимо атомов и пустоты, Демокрит и самих богов мыслил как «живые образы», возникающие и разрушающиеся, способные как помогать, так и вредить людям. Но они отнюдь не мыслились им как всемогущие. Он также выдвинул идею о происхождении веры в политеистических богов как основанную на страхе перед непознанными явлениями природы («существование богов есть хитрая выдумка»). На самом же деле он считал, что «не существует никакого бога, который обладал бы бессмертной природой» [1. С. 343]. Но, как разъясняет А.Ф. Лосев, «атомисты выступали против религии, но не против богов, которые у них тоже состоят из атомов. Они не атеисты, а деисты» [7. С. 475].

Таким образом, атомистическая теория позволила Демокриту построить целостную (хотя и не без изъянов) космологию.

3. Движение и причинность

Аристотель был не удовлетворён тем, как атомисты решали проблему источника движения: «А вопрос же о движении, откуда или каким образом оно у существующего, и они подобно остальным легкомысленно обошли» [2. С. 75]. Но прав ли Аристотель, говоря о проблеме, которая еще, видимо, недостаточно назрела в то время? Демокрит, несмотря на присутствующее умозрение в его учении, оставался в целом натурфилософом. Как отмечает А.В. Семушкин, «ионийская натурфилософия по своей конкретно-исторической форме *гилозоистична*» [10. С. 390]. Хотя в атомистическом учении натурфилософия достигает «своей вершины и является ее максимально зрелым продуктом» [8. С. 481], в ее рамках постановка вопроса об источнике движения была просто абсурдной, так как движение мыслилось присущим самой материи. Видимо, здесь еще сказываются гилозоистические представления древности (от др.-греч. ύλη – материя, ζωή – жизнь), с которыми Демокрит не в полной мере расстался и которые еще сохраняются в рамках его системы.

Есть такое объяснение, что атомы у Демокрита «трясутся во всех направлениях» (самодвижутся), ибо они находятся в пустоте. Пустота понимается здесь как естественный источник движения атомов, поэтому у Демокрита еще не возникает потребность искать перводвигатель. Однако, чтобы пустота выполняла такие функции, необходима сила гравитации, чего в онтологии Демокрита нет, а если бы она была, то опять же требовала бы своего объяснения.

Гегель дает иное, «диалектическое» обоснование. Сведение атомистикой всего бытия к двум рядоположенным абстрактным понятиям атома и пустоты представлялось ему в виде «тривиального и внешнего отношения составности», когда всякое определение, многообразие, связь остаются «всецело внешним отношением». Вместе с тем Гегель видит и элемент спекулятивного в атомистическом принципе, так как «пустота была ими познана *источником движения*, что представляет собой совершенно другое отношение между атомами и пустотой, чем одна лишь рядоположенность этих двух определений и их безразличие друг к другу». Более глубокая мысль здесь заключена в том, продолжает Гегель, что «в отрицательном вообще находится основание становления, беспокойства самодвижения... Пустота есть *основание движения* лишь как *отрицательное* соотношение “одного” со своим *отрицательным*, с одним, то есть с самим собой, которое, однако, положено как наличное сущее» [4. С. 146]. Дальнейшие же определения древних относительно формы атомов, их положения, направления движения и т.д., по его мнению, довольно произвольны и внешни. Принцип индивидуализма, который может вытекать из атомистической теории, Гегелю также не по душе, ведь единичная воля у него должна подчиняться всеобщей.

Но Аристотель, вслед за Анаксагором, уже прекрасно понимал, что сам атом, сама материя не могут быть источником движения. Необходимо было или искать внешнюю причину (пример, – *Нус* Анаксагора), или в самом атоме выделять «душу» – движущее начало, и «тело», материю – движимое (у Аристотеля, соответственно, форма и материя).

С точки зрения философии, а именно поиска первопричины движения, высказывание, что движение, якобы присущее самой материи, не выдерживает критики, ибо необъяснимо и может лишь некритически браться на веру. Данное высказывание истинно и возможно лишь в условиях гилозоистического миропонимания, когда материя и все материальное мыслятся живым, органическим. В этом случае всё живое (а это всё существующее) имманентно имеет то, что называется «душой». Именно поэтому у Фалеса «все одушевлено и полно демонов» [1. С. 270]. На этом уровне не может возникнуть вопроса об источнике движения, так как он заключен в самой живой материи. Однако как духовное развитие человека, так и логика развития философии неизбежно приводят к разрыву гилозоизма на материальную и духовную составляющие, на *Нус* и гомеомерии у Анаксагора, вещь и идею у Платона и т.д. А.Ф. Лосев разъясняет, что «Демокрит, как представитель

натурфилософии, принципиально не отличает дух и материю... Совсем другое у Платона, который резко разграничил обе эти области...» [7. С. 476].

Ни одна вещь, согласно Демокриту, не возникает беспричинно, но в силу необходимости. Однако эта необходимость также естественна. Казалось бы, что первоначально атомистический индивидуализм должен привести к хаосу, анархии и бесконтрольной свободе, однако если проследить до конца развитие идеи естественной причинности, то мы и получим то, о чем говорит Демокрит, – абсолютную необходимость, детерминизм и фатализм. Демокрит развенчивает «идол случая», который, по его мнению, люди измыслили, чтобы оправдывать свою безрассудность. Про себя Демокрит говорил, что он предпочел бы найти одно причинное объяснение приобретению персидского престола. Мир у него управляется «некоторой неразумной природой» [1. С. 329, 335–336], которая сама себя определяет и превращается в конечном итоге в мирового диктатора, перед произволом необходимости которого все равны.

Как превосходно ни выглядела бы космология Демокрита в силу его учения о причинности, возникают две проблемы: первая – это источник движения, который у него, как мы выяснили, не объясним вне гилозоизма, и вторая – это свобода. Последняя также оказывается необъяснимой. Изгнав идол случая, Демокрит остался наедине с детерминизмом. И если в естественнонаучной картине мира с ним, наверное, можно мириться, то как быть с феноменом человеческой свободы? Она необъяснима, и поэтому Демокрит вынужден был свести ее к случаю.

4. Гносеология

Существует легенда, что Демокрит сам ослепил себя, чтобы не отвлекаться на образы в познании умозрительной истины. Видя (представляя), нельзя мыслить, утверждал уже Парменид. И для Демокрита чистота мышления – вне чувственных образов: «Вы слепы, потому что вы видите».

Таким образом, в одном из самых существенных пунктов, а именно – в становлении умозрительного метода философского познания – Демокрит наследует опыт элейской школы. Ведь атом невозможно увидеть чувственными глазами, хотя в действительности, то есть поистине существуют только атомы и пустота, и лишь «в общем мнении» существует цвет, сладкое, горькое и все то, что доставляют нам органы чувств. Истина же для него не явлена, но «скрыта в глубине (лежит на дне морском)» [1. С. 331]. Вместе с тем Демокрит не был бы натурфилософом, если бы не отдал дань и чувственному познанию, о чем свидетельствуют некоторые его высказывания, тем не менее, оно все равно осталось для него «темным». Ибо «над всем тем, что ускользает от взора очей, господствует умственный взор» [1. С. 333].

Вместе с тем его концепция познания не ограничивается умозрительными идеями, но объясняет и происхождение эмпирического опыта. От всего, считал он, происходит некоторое истечение (идолы), которое и воспри-

нимается органами чувств, согласно общему натурфилософскому принципу: подобное познается подобным. Однако соседство умозрительных идей и чувственных образов не всегда оказывается гармоничным: так, для него не только ощущения, но и мысли «суть изменения тела» [1. С. 335].

5. Философия истории

Физический детерминизм переносится Демокритом и на исторический процесс. Его «история» – примитивна и натуралистична, но именно данные представления об истории лежат в основе историографии, вплоть до современной. Он задал рамки, ход систематического процесса. Как отмечал А.В. Семушкин в своих лекциях по истории античной философии, «Демокрит изымает из истории метафизические причины, являясь провидцем эмпирической логики ее развития». Демокрит рассматривал происхождение общества как результат закономерных процессов. Он считал, что трудности жизни заставили людей как объединиться, так и научиться языку общения. Сама нужда служила им учительницей во всем. Так они научились добывать огонь и приобрели разум. В отличие от Пифагора Демокрит считал, что имена были приданы вещам по установлению, а не по природе (*номинализм*, а не *реализм*) [5. С. 353].

Демокрит выступил против традиционной мифопоэтической историософии Гесиода («Труды и дни»). У Гесиода в основе – мифологема об изначально совершенном человеческом обществе («Золотой век», библейский «Эдем»), а исторический процесс есть продукт распада, вырождения изначально совершенства, инволюция, выветривание, оскудение, нисхождение к «Железному веку», бедам и войнам. Любая мифология постулирует это, что проходит даже через всю греческую философию (кинники, стоики, некоторые софисты; у Руссо и Толстого также обнаруживается тоска по прошлому; у Клода Леви Стросса – симпатия к аборигенам). Но невзирая на это, данная модель периферийна. Магистральное направление философии истории занимает концепция, выработанная Демокритом: он перевернул логику исторического процесса. История, с его точки зрения, есть продолжение естественного космогонического процесса – железная детерминация, слепая и механическая. История также движется от Хаоса к Космосу, от дифференциации к интеграции и организации. Но в истории эта необходимость теряет слепоту и обретает зрячесть в форме нужд и потребностей человека.

Начало человеческой истории – естественное состояние (предвосхищение идей общественного договора). В нем нет законов, но оно не ведет к распре, так как человек от природы доброе существо, он тяготеет к другому (подобное стремится к подобному). Первобытное общество живет в состоянии всеобщей взаимности и любви, которые являются основанием и предпосылкой для объединения людей в иерархическое состояние – государство (не как у Гоббса – из страха уничтожения).

Двигателями общественного прогресса, по Демокриту, являются (в душе он просветитель):

1) внутренний мотив – потребности человека («нужда и опыт были для человека учителями во всем» [5. С. 351]). Он – существо потребляющее, инстинктивно стремится приспособиться к природе, подчиняя ее себе, обживает ее. От стадии взаимной любви, но нищеты и убогости, к более цивилизованной стадии, росту культурного присутствия в природе, сохранению и приумножению себя в природе. Так формируется цивилизация;

2) внешний – подражание природе: человек делает лучше природы, повторяя ее, приумножает продукты своей деятельности, движется от неспособной любви к производящему хозяйству. Человек наблюдает и воспроизводит. Отсюда получают развитие материальная культура и искусство как продукты подражания природе.

Перспективы исторического процесса (если дополнить Демокрита исходя из его космологии): история развивается до бесконечности, ибо потребности человека не знают предела. Человек всегда неограничен. История ограничена лишь запасом космической гармонии, ведь все – из сочетания атомов. Историю не ждет светлая перспектива, она исчезает вместе с космосом, ее породившим. Это процесс неминуемой смерти, но здесь нет трагедии для Демокрита. Конец истории безотносителен к трансцендентным целям, он – естественен и не терпит возражений. Недостойно мудрецу зная, что мир должен рассыпаться, впадать в истерику или создавать мифы о загробном существовании. Жизнь – выброс необходимости, поэтому должно радоваться случаю жить без тоски и надежды, до истощения жизни как в космосе, так и в истории и жизни человека.

Однако такая судьба человека удовлетворяет не всех мыслителей. Есть еще другая логика, телеологическая. Но это уже не про Демокрита.

6. Антропология

Демокрит, как и многие древние философы, отличался неистовым духовным индивидуализмом, переживая свободу теоретического самополагания (А.Ф. Лосев). Этот возросший индивидуализм и осознание личностной свободы были, видимо, закреплены им на метафизическом уровне – в учении об атомах. Атом и есть индивидуум. Демокрит учил о полном отсутствии изменений в атоме. Он впервые в истории философии выдвинул принцип единичности, что заставило его признать атомы неразрушимыми и вечными, так как иначе структура атомов была бы явлением более или менее случайным и ничего единичного в себе не содержала бы.

Однако и многие натурфилософские принципы торжествуют победу в его антропологии. Основной из них – единство микро- и макрокосмоса. Известно, что Демокрит написал недошедшее до нас сочинение «Малый диакосмос», где изложил свои представления о человеке. Последний для него уже не представляет собой тотальность, но в нем обнаруживается опреде-

ленная иерархия: «...[в человеке] одни [части], как разум, только управляют, другие же, как сердце, и повинуются, и управляют... третьи же только повинуются, как вождение» [1. С. 337].

Вместе с тем, наследуя гилозоистические и анимистические представления, он и животных считал малым миром, подобным человеку, и растения у него «имеют ум и знание». Даже трупы имеют душу, ибо «в них явственно находится нечто теплое и способное ощущать» [1. С. 338, 341]. Душа и ум для него являлись одним и тем же «тонким телом», состоящим из огненных шарообразных атомов. Тело приводится в движение душою, которая находится во всем ощущаемом теле, хотя разумную часть он уже выделяет и помещает в груди. Душа смертна, что связано с выходом из тела «душевных», круглых атомов. Она уничтожается вместе с телом, ибо сцепление круглых атомов также распадается [5. С. 358].

Атомистическая онтология позволила Демокриту дать вполне согласующееся с современным представлением о биологическом происхождении человеческого организма. Своим языком Демокрит так раскрывает суть своих взглядов: «...первые люди произошли из воды и ила» [1. С. 339], то есть из смешения влаги с землей, как и все живое вообще. Причем первые животные произошли, как и у Эмпедокла, из соединения готовых форм.

Как и все натурфилософы, Демокрит понимал мышление в тесной связи с физиологическими процессами, происходящими в организме человека. Мышление – гармоничное состояние тела; как ощущения, так и мысли – суть изменения тела: «По мере того как возрастает тело, увеличиваются и умственные силы, а когда стареет, то и ум притупляется на все дела» [9. С. 317].

Выводы

Так как Парменид отрицал реальность пустого пространства, то не мог вывести ни движения, ни множественности из однородного бытия. Демокрит же, наоборот, раздробил бытие Парменида на атомы, разделенные пустым пространством, в силу чего стало возможным построение космогонии. Атомистика, будучи по сути метафизическим учением, тем не менее, смогла стимулировать естественнонаучные изыскания. Для решения вопроса об источнике движения Демокрит обратился к милетской натурфилософии, гилозоизму, то есть признал движение внутренне присущим самим атомам (атомы «трясутся»). Он также связал Гераклита и элейцев, объявив атомы неизменяемыми, но находящимися в беспрестанном движении.

Наиболее интересно здесь то, что сгущение и разряжение материи от нуля до бесконечности и формирует такие понятия как атом и пустота. О какой же пустоте может идти речь у атомистов? Конечно, она не сверхсущностна, считает Лосев: «Предельное разряжение материи есть пространство, которое, очевидно, является не просто отсутствием материи, а все той же материей, однако, в своем предельном разрежении или распылении».

Вместе с тем, если в предшествовавшей натурфилософии пустота мыслилась как нечто невозможное, ибо тогда «еще не созрела потребность определить индивидуум как таковой», то в атомизме «впервые появляется учение о пустоте как о полном и абсолютном небытии в противоположность атомам-индивидуумам, имеющим свое собственное определение» [7. С. 551].

Наряду с этим всякое самоопределение уже должно принадлежать области чистого мышления, но этого нельзя сказать об атомистике, в чем и заключается историческое своеобразие ее метафизики. Самоопределение атома здесь еще натурфилософское, в силу чего он отождествлялся с геометрическим и физическим телом. Однако атом вместе с тем не есть всецело натуралистическое начало, так как он неделим и неразрушим, то есть *идеален* [7. С. 497]. Таким образом, понятие атома несет в себе то же противоречие, что и вода, воздух и огонь ионийцев, – он есть материальное нечто и, одновременно, умозрительное.

А.Ф. Лосев также выступил против смешения физического и идеального (эйдетического) атома, хотя они и объединены в одном термине у Демокрита:

«Мы же должны сказать, что и никогда, ни при каких методах и уточнениях экспериментального и теоретического развития физики не может быть достигнут такой атом, который бы дальше оказывался неделимым. И это – по простой причине: атом есть меонизированный, инобытийно-гипостазированный эйдос, а сущностью меонизации как раз является беспредельное и непрерывное становление. Поэтому если взять в эйдосе его категорию единичности, то получается в инобытийной ее корреляции беспредельная делимость атома, причем атом так же единичен и так же беспредельно множествен, как и космос. Атом есть космос, и космос есть атом. Оба они и делимы, и неделимы. Абстрактно-метафизическое ослепление произвольно измышленными понятиями, убившее всякую возможность видеть эйдос и четко мыслить о нем, привело к абсолютизации и обожествлению материального атома, перенеся на него все атрибуты средневекового верования – вечность, неделимость, неуничтожимость и т.д. А между тем вечен не меонизированный атом, но *эйдетический*; неуничтожим не инобытийный атом, а чисто *смысловой* и т.д. Разум и диалектика требуют неделимого и вечного атома. И вот физика, ослепившая себя отходом от живой диалектики, овеществляет этот неделимый и вечный смысл и категории чистого смысла переносит на факты, закрывая себе всякий путь к свободному исследованию фактов как таковых. Не то в античной физике и астрономии. Там говорят: исследуйте атом и делите его в каком угодно отношении, но самый эйдос, самый смысл атома, – неделим и неразрушим, ибо если самый смысл атома распадается, то о делимости (или неделимости) него же, собственно, вы сможете говорить? Так образуется диалектическая необходимость одновременно мыслить делимость и неделимость космоса. И нельзя сказать, что одна сторона в атоме делима, а другая неделима, сам же атом не подчиняется этому диалектическому противоречию. Разумеется, атом неде-

лим как эйдос, и он же делим – как меонизированный эйдос, так что тут действительно – две разные «стороны» в атоме. Однако не эти «стороны» сами по себе делимы и неделимы, а именно атом как целое. Между этими «сторонами» не только различие, но и тождество. И именно *один и тот же* атом делим и неделим. Когда мы говорим, что он делим, то есть имеем в виду меонизированный эйдос, мы все-таки утверждаем нечто *об эйдосе же*, о том же самом эйдосе, хотя и выставляем теперь в нем другую сторону» [6. С. 210].

А.Ф. Лосев делает вывод, что атомизм как философия индивидуальности уже стоит на путях, ведущих и к антропологии софистов, и к скептицизму [7. С. 531–533], и что «Демокрит никакого отношения к материализму не имеет» [8. С. 7], так как атом представляет собой также идею, но мыслимую как мельчайший неделимый элемент бытия. В целом же метафизике атомизма свойственны следующие черты, объединяющие ее с натурфилософией: антиантропоморфизм, «атомистический» гилозоизм, объективизм, антипсихологизм, примат материальной формы, взаимопревращение элементов (все во всем) и т.д. «Поэтому, – пишет А.Ф. Лосев, – Демокрит ни в каком случае не является индивидуалистом», хотя атомисты, разрабатывая понятие атома, «имели ввиду определить бытие как индивидуум или как индивидуальность» [7. С. 481].

Атомистика, пытаясь разрешить вставшие в историко-философском процессе проблемы метафизики, породила и новые противоречия. В области онтологии, например, назревает такой вопрос: Как идеальные атомы способны обладать всеми свойствами обыкновенных тел? Как возможны свобода и добродетель? Как соотносить этику Демокрита с его онтологией? Досократовская философия не только не могла разрешить данные вопросы, но и четко их сформулировать. А проблему соотношения идеального и материального будет анализировать впервые только Платон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология мировой философии: в 4 т. – Т. 1. – Ч. 1. – М.: Мысль, 1969.
2. *Аристотель*. Метафизика // Сочинения. – Т. 1. – М.: Мысль, 1975.
3. *Аристотель*. О возникновении и уничтожении // Сочинения: в 4 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1981.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. – СПб.: Наука, 1997.
5. *Демокрит*. Тексты / пер. и комм. С.Я. Лурье. – Л.: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1970. – 664 с.
6. *Лосев А.Ф.* Античный космос и современная наука // Бытие – Имя – Космос. – М.: Мысль, 1993.
7. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Ранняя классика. – М.: АСТ, 2000.
8. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993.
9. *Маковельский А.О.* Древнегреческие атомисты. – Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1946.